2012 год

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
муниципальный этап
7 класс

Задание. Прочитайте рассказ Дмитрия Ушакова «Последняя копейка» и напишите отзыв на это произведение.

Комендант любил яйца. И каждый раз, наведываясь в Шадринское, коротко приказывал старосте:

- Собирай!

Тот бежал от избы к избе с лукошком. Возвращался к машине, с поклоном подносил:

- Прошу, господин оберст.

И хотя тот имел чин капитана, но ни разу не поправил старосту. Зато всегда спрашивал:

- Двадцать?

- Из тютельки в тютельку, - почтительно изгибался староста.

Такой ответ всегда смешил коменданта. На этот раз он выбрал из лукошка крупное яйцо, протянул старосте:

- Разбей.

Тот уставился на коменданта:

- Выпить?

- Нет, разбей и посмотри.

Староста заскорузлым пальцем щёлкнул по скорлупе.

- Свежее, - разочарованно сказал комендант. Передал старосте лукошко. – Бей! Все бей!

Тухлым оказалось восемнадцатое яйцо.

- Кто дал? – оживился комендант.

Староста испуганно заморгал. Вдоль деревни с лукошком он бегал для виду: очерёдность сдачи по десятку яиц с каждой избы была установлена заранее. Сегодня по десятку взял с Матрёны Коноваловой и Ульяны Зубовой.

- Матрёна вроде. Она больше других отдала. Десять штук.

- Десять? Хорошо. Позови Матрёну.

Староста выдернул из избы Матрёну в один момент. Впопыхах она всё же успела схватить шерстяной плат.

- Матрёна? – насупил брови комендант.

- Коновалова, - подсказал староста.

- Так вот, Матрёна. За тухлые яйца … расстрел.

Матрёна пожала плечами, не переставая удивляться, почему побито столько яиц.

- Но мы, немцы, великодушны. За десять яиц штраф 10 копеек.

Матрёна непонимающе глянула на немца. Староста вспетушился и заорал:

- А ну гони!

Про себя же подумал: «Шутник комендант. Дёшево Матрёна отделалась…».

- Зачем гони? – усмехнулся комендант.- Будешь приносить мне в комендатуру по копейке. Каждое утро в девять. Не придёшь – расстрел. Понятно?

- Кланяйся, кланяйся, - зашептал староста. – Благодари…

Матрёна никак не могла взять в толк что к чему. Но на всякий случай поклонилась. Машина коменданта, пробуксовывая в грязи, покатила к большаку.

- Слышала? – начал староста. – Каждое утро будешь носить господину коменданту по копейке. Десять дён…

- Это куда же?

- В Свиридовку, где райисполком был.

- Ополоумел? За 15 вёрст копейки носить? Да у меня ноги отвалятся.

Староста вздохнул:

- А ежли расстреляют? Мало тебя, так и меня комендант под горячую руку хлопнет. Так что

носи. Не то палкой погоню.

- Тьфу ты, - сплюнула Матрёна. – Вот придут наши…

- Но-но! – окрысился староста.- Ваши-то, поди, уже за Москву утяпали. А ежели копеек нет, то могу наменять.

- Да уж наскребу, - сказала Матрёна и пошла к избе.

Дома наискала копеечек, разложила на подоконнике, пересчитала. Побродила по горнице, полезла на печь. Ни о чём не подумала, ни на что не озлобилась. Да и о чём размышлять на седьмом десятке, когда все годы прошли одиноко и тихо.

Среди ночи поднялась, попила водицы, стала собираться. Натянула мокроступы, напялила плюшевую жакетку, повязалась шерстяным платом и пошла потихоньку. Темени не пугалась, немцев – тоже.

У комендатуры её остановил часовой, но кто-то постучал изнутри в стекло, и солдат подтолкнул Матрёну к двери. Тотчас её подхватил другой солдат, протащил в комнату. За столом Матрёна увидела коменданта, рядом стоял молоденький офицерик.

- Вот, - торжествующе выдохнул комендант, глянув на часы, - принесла, и вовремя. А ты, Шульц, говорил, что я не знаю русский характер. Один коньяк за тобой!

Офицерик взял у Матрёны копейку, высыпал спички из коробка, положил туда монетку:

- Когда будет десять, герр комендант, я поставлю ящик коньяка.

Закрывая дверь, Матрёна услышала смех. Остановилась, вздрогнула, словно огрели её по спине плетью. Поняла, что смеются выродки над ней, сгорбилась и поплелась на двор. Шла своей деревней и примечала, как участливо и скорбно смотрят на неё бабы. Поняла, что жалеют её, зная, какую недолю выдумал чужеземец.

С девятой копеечкой отправилась с вечера, отдыхая часто и подолгу. И всё не могла понять, какая же боль распирает грудь? Но, уступая дорогу телеге, в которой притулились два германских солдата, едва сдержала стон. А рождался тот стон от лютой ненависти, день за днём копившейся в душе. И захотелось броситься вслед за супостатами, опрокинуть телегу, глотки им перехватить. Скрылась телега из виду, сошла Матрёна с большака да и повалилась на землю. Упёрлась локтем во что-то железное. Глянула – и обмерла. Лежала под локтем граната, рубчатая, поржавевшая. То, что граната, определила сразу: такие висели на поясе у бойцов, отходивших через деревню. Поднялась Матрёна, постояла задумавшись. Присела на корточки, закатила гранату в лунку, забросала жухлой травой. Воткнула в то место вички и пошла дальше.

Часовой пропустил беспрепятственно. А комендант, принимая копеечку, поглядел пристально:

- Молодеешь, старуха? Пешком шла? Завтра не опоздай.

Обратно Матрёна поспешала. Даже у речки, как обычно, не отдыхала. Нашла заветную вичку, осторожно разгребла траву. Обтёрла гранату полой жакетки, спрятала за пазуху. Не заходя к себе, прошлёпала в избу деда Ипата. Встретил её боязливо, думал – горе пришла выплакивать. А Матрёна выложила на стол гранату, строго вопросила:

- Научи, как с ею обращаться?

- Ты что, спятила? – заверещал дед. – Зачем принесла?

- На то сказ особый, - ответствовала Матрёна. – Ты лучше, служивый, поясни, как с ею обращаться? Один ведь мужик на деревню.

Ипат осмотрел гранату:

- Тут проще простого. Дёрнешь за это колечко и бросай! Только бросать надо издали, а то себя порешишь. Вот это перво-наперво уясни перед тем, как употреблять.

Ипат же и проводил Матрёну до околицы. Хотел что-то вымолвить на прощанье, да только рукой махнул. И долго-долго глядел вслед.